

А. А. САВЕЛЬЕВ

<Восшествие на престол Александра III>
<Фрагменты>

<...>

В момент восшествия на престол Александра III я был мировым судьей¹ Нижегородского округа и исправлял должность председателя мирового съезда², ввиду отсутствия его. Смерть Александра II была неожиданной, а предшествовавшие ей события — покушения на его жизнь, репрессивные меры, вызванные этими покушениями, вместе с различными, неопределенного свойства, либеральными начинаниями правительства, держали все общество в особом напряжении. Во главе управления государством стоял граф Лорис-Меликов, знаменитый проводник, как тогда выражались (кажется по почину Каткова), «диктатуры сердца». Несмотря на его поползновение к либеральной политике, его и действительно называли диктатором, а те, подчас произвольные, меры, которыми он стремился подавлять покушения на жизнь государя и проявления недовольства и неудовлетворенности полумерами правительства, вызывали раздражение в обществе. Под маской либерализма, под конец царствования Александра II скрывалось много регресса и урезывания либеральных начал первой половины его царствования.

Ходивший в конце царствования Александра II слух о наследнике престола, впоследствии Александре III, был, наоборот, для него очень благоприятен: говорили о его прямоте, честности и доступности; в обществе прошел даже слух о его попытках будто бы сблизиться с писателем Салтыковым (Щедриным). Этот слух, если и не был верен, то характеризовал отношение интеллигентного общества к наследнику, его представление о нем.

В то время, когда пришла весть о смерти Александра II, я был в клубе. Было 11 часов вечера. В это время пришел туда же генерал Н. Н. Назаров и с волнением объявил, что государя убили, показывая

полученную им телеграмму. За первым столом от входа вместе с другими партнерами сидел председатель окружного суда³ А. К. Панов, человек прямой, честный и большой сторонник реформ Александра II, душой преданный новой судебной реформе. При известии, сообщенном Назаровым, он бросил карты, перекрестился и заявил, что в такую минуту продолжать игру не следует; его примеру последовали все другие. Большинство перешло в столовую, уселось за ужин и повело разговоры, что будет, чего ждать. Оживление было очень большое, затеялись разговоры о конституции, об устраниении стеснений и пр.* В оживленной беседе засиделись довольно долго, и я сам приехал домой только к утру. Это оживление и ожидание перемен продолжалось и на другой день и в последующие дни, но скоро стало стихать; надежды сменились сомнениями, толки о конституции и облегчении существующего режима совсем прекратились. Все это закончилось известным апрельским манифестом с указанием на самодержавные права, а затем речью во время коронации, обращенной к крестьянам, и впоследствии введением института земских начальников, сокращением компетенции суда присяжных, ограничением прав земских учреждений и преобразованием их в сословное учреждение⁴. Правительство, видимо, старалось поднять значение дворянства, и материальное, и нравственное, дать ему первенствующее значение и поставить, в смысле административном, крестьянское сословие в подчиненное ему положение. Но вместе с тем страна замерла, молодые горячие головы присмирели, протесты, в той или иной форме, прекратились. Деятельность общественных сил направилась почти исключительно на преследование материальных интересов. С внешней стороны царил глубокий мир. На этом смерть застала Александра III, а на престол вступил его наследник, Николай II, так же неожиданно, как и его предшественник, ибо при могучем физическом организме его отца нельзя было и думать, что он кончит свою жизнь всего на 49 году.

<...>

* Не везде и далеко не у всех это событие, т. е. смерть Александра II, вызвало надежды на усиление свободы. Так, напр., доктор Кунцевич передавал мне, что в Сергачском уезде бывший член губернской управы, местный помещик К. И. Белокрыльцев, с отчаянием воскликнул при первой вести о смерти царя, что это событие отодвинет Россию на целое столетие. Крепостники (вроде Приклонского) были, напротив, довольны.